

Журнал "Вокруг света"

№ 08, 1966

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 08, 1966 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 82 с.

ISBN 978-5-458-58066-3

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58066-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

известняка. Остров Ларго оказался законсервированным! «Оолитовой фабрики» там вообще не оказалось.

Но почему? Ведь этот остров явно возник, как и Авалос, из обычных морских наносов и некогда обильно «питался» оолитовым песком. Как же случилось, что он спаялся в прочную горную породу и сейчас — в отличие от Авалоса — почти не развивается? Об этом нужно думать и думать...

* * *

Следующая стоянка — погруженный атолл в заливе Касонес.

Карта показывала совершенно правильный кольцевой риф на глубине около пяти метров, с двумя широкими проходами в лагуну. С юга риф круто, чрезвычайно круто обрывается на сотни метров. В лагуне мы «пустили» трубку: тонкий слой обычного известкового песка. Риф же и его склоны решили обследовать в аквалангах. На дно собрались Франциско, Пепе, Ионин и я. День был пасмурный, и море не слишком спокойное. Вспомнили об акулах и договорились держаться вместе.

Мы спустились с обычного вертикального обрыва метров на десять и стали осматривать ниши, выступы, отмахиваясь от барракуд и собирая пробы песка. Я был ведущим и поплыл вдоль края рифа, стараясь держаться примерно на одной глубине. Не думаю, чтобы я быстро шел, но, оглянувшись, я никого не увидел. Ничего страшного, направление они знают; пойду-ка тихонько дальше и немного ниже.

От обрыва спускался откос-шлейф под углом градусов в сорок пять. На нем кое-где из снежно-белого песка торчали отдельные каменные выступы, заросшие горгонариями. Стоило тронуть песок, как он начинал струиться вниз. Я еще раз огляделся. Видимость сегодня плохая. Где-то далеко мелькнул силуэт аквалангиста. Я успокоился. Можно идти глубже.

...Смолоду я увлекался слаломом и скоростным спуском на лыжах. Особых успехов не достиг, но несколько отпусков провел на высокогорной лыж-

не — и с тех пор, когда в поле зрения попадает любой склон, летом ли, зимой, я мысленно намечаю трассу, где бы я шел и какие бы делал повороты.

На дне Карибского моря склон был настолько аппетитен, что я забыл о месте и времени и скользил все ниже и ниже. Вот здесь можно толкнуться палкой и, «повиснув» на пружинах, сделать «темпо-швунг», огибая скалу. Дальше ровный участок — набираешь разгон. А в этом месте придется изобразить змейку из трех «христианий»...

Постепенно стало темно, и белый склон едва мерцал. Глубомера у меня не было. Я взглянул на манометр: 80 атмосфер. Посмотрел вверх — столь же туманно, но чуть светлее. А может, это и не вверх? Куда тут плыть, чтобы подняться?

Я взял рейку за один конец, чтобы она повисла и указала направление вертикали. Оттолкнулся ото дна и пошел, слегка шевеля ластами и не спускающая глаз с рейки.

Всплыл я далеко от нашего корабля.

Идти под водой — трудно держать направление. Плыть поверху — а ну как схватит акула? Лучше выбрать среднее. Я поплыл, то брызгая ластами среди волн, чтобы могли видеть с судна, то опускаясь метра на два под воду. Минут через десять подошла шлюпка, и незадачливый аквалангист с облегчением ввалился на днище.

И тут меня ожидал настоящий скандал. Оказывается, Алексей искал меня на склоне и дошел до полной черноты — это было около 50 метров.

— Я за вас отвечаю и прошу соблюдать элементарную дисциплину! — кричал на меня Алексей. — Не имеет права идти не оглядываясь. Это против инструкции. Я вам больше не дам акваланга!!!

Конечно же, припомнил и мое ротозейство на шлюпке у бурунов.

Что и говорить, день выдался не совсем спокойный... И хотя вскоре все вошло в норму — мы пустили еще несколько трубок, провели четыре стоянки, — я все время думал об утреннем инциденте. Я медленно перебирал в памяти все тридцать с лишним лет своей экспедиционной жизни,

вспоминая случаи, когда панибратское отношение к морю приводило к весьма и весьма плачевным результатам, когда рассеяние в мыслях и излишняя экзальтация одного могли свести на нет результаты упорного, многодневного труда целого коллектива. Вспоминал, как я сам всегда в первую очередь требовал строгой дисциплины, собранности и, главное, чувства ответственности друг за друга. И особенно — под водой. Здесь больше, чем где бы то ни было, нужны взаимное доверие и ощущение локтя товарища. С Алексеем я всегда был спокоен.

И уже вернувшись на корабль, неожиданно для самого себя я подошел к нему и попросил прощения за свое мальчишество. Объяснение состоялось. Мы пожали друг другу руки, а когда я назвал его усатым ангелом-хранителем, он искренне захохотал, как будто между нами ничего и не было.

...Незаметно наступил вечер. Мы с Алексеем устало растянулись на палубе. Комаров не было, и можно было спокойно обдумать увиденное.

...Теперь структура берегов юго-западной Кубы была, в сущности, ясна. Еще в третичный период земная кора здесь растрескалась, и часть ее опустилась, узкими клиньями море вонзилось в тело Кубы, образовав заливы Касонес и Кочинос.

Кораллы и известковые водоросли построили на краю мелководья барьеры. Волны ломали рифы и вместе с частицами извести переносили их в сторону берега, откладывая длинными наносами, ко-

торые затем превратились в острова. Когда уровень моря понижался, известь цементировалась в твердую породу.

Так возникли остров Ларго и цепь других похожих на него островов.

Но между этими островами и коралловым морем образовался пролив. И тут в действие вступили постоянные восточные ветры, дующие вдоль этого коридора. Волны намывали здесь подводные гряды песка, и постепенно возникли новые острова, расположенные перпендикулярно старым, — Авалос и другие.

Процесс этот продолжается и поныне. Вот почему Ларго так отличен от Авалоса, хотя расстояние между ними ничтожно. Вот почему Ларго не в пример Авалосу «законсервирован», замер в своем развитии.

И тут я поймал себя на том, что говорю вслух. Опасливо взглянул на Алексея. Но он тихо и настойчиво посапывал. Да и сам я лишь несколько минут после этого вслушивался в плеск моря у борта, в рокот дальних бурунов да следил, как взлетают над тентом и падают незнакомые звезды.

Береговые пальмы давно растаяли в чистом, как небо, море, и мне стало грустно — кончились мои «Сады королевы». Увижу ли я еще такие острова? Я заснул и перенесся назад на 33 года и тысячи километров — в жарко натопленный кубрик обледевшего «Персея» — и снова услышал:

...Я шел по берегу среди пальм...

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

2 метра в час — с такой скоростью «дрейфует» южный магнитный полюс. Эти данные — результат наблюдений ученых на ледяном континенте.

В недалеком будущем, по предположениям геофизиков, южный магнитный полюс покинет Антарктиду и «переселится» в Индийский океан.

Точные и подробные карты движения магнитных полюсов необходимы в первую очередь мореплавателям, постоянным спутником которых является магнитный компас.

Новую геологическую карту мира готовят ученые разных стран под руководством специальной комиссии, которая была создана XXII Международным геологическим конгрессом. Карта должна выйти в свет в 1968 году. Она впервые даст представление о геологии земного шара в целом: покажет геологические черты населенных континентов обеих полярных шапок Земли и дна Мирового океана.

Подводная горная цепь, что протянулась по дну Атлантического океана между Американским и Африканским материками, задала новую загадку ученым.

На стокилометровом участке вдоль хребта величина теплового потока, идущего из Земли, вдвое превышает обычную. Почему этот участок так сильно «подогревается»? Под хребтом, примерно на глубине 10 километров, говорят некоторые ученые, накапливается магма, которая и отдает тепло. Магматическое тело, вероятно, растет на два сантиметра в год — это как раз соответствует величине теплового потока.

Дальнейшие исследования покажут, насколько правильна эта гипотеза. Но несомненно одно: это явление связано с процессами в верхней мантии Земли, и правильное объяснение его поможет решить еще одну геологическую загадку нашей планеты.

Можно ли предсказать силу урагана? Над этой сложной, но заманчивой проблемой работает американский ученый Майкл Гарстанг. Почти целый месяц — изо дня в день, из часа в час — ученые вели наблюдения над ураганами в субтропической части Атлантики. Проанализировав полученные данные, Гарстанг пришел к выводу, что во время ураганов теплые субтропические воды выделяют в атмосферу больше энергии, чем обычно. При помощи электронно-вычислительной машины Гарстанг создал математическую модель... урагана...

Метеорологи надеются, что эта модель позволит им с большей точностью определять обмен энергией между штормовым океаном и атмосферой и предсказывать интенсивность того или иного урагана.

«Вижу сквозь землю» — в устах геофизиков, вооруженных сегодня сейсмическими методами разведки, это не звучит преувеличением. В результате последних исследований по глубинному сейсмическому зондированию накоплены данные о строении земной коры, позволяющие сделать первые, правда еще ориентировочные, обобщения. Например, советский ученый Александр Борисов проследил положение поверхности Мохоровичича — границы земной коры — под всей территорией СССР. Он подтвердил предположение, что глубина залегания поверхности Мохоровичича в ряде районов как бы зеркально отражает — правда, в несколько искаженном масштабе — рельеф земной поверхности. Например, под впадиной Тихого океана наблюдается выступ, где граница Мохоровичича залегает всего в 5 километрах от дна. Изучение глубинного строения земной коры позволяет лучше понять причины многих геологических явлений, с которыми связано образование месторождений полезных ископаемых.

— Большинство метеоритов, найденных на Земле, — гости с Луны, — заявил лауреат Нобелевской премии профессор Гарольд Юри из Калифорнийского университета.

Ученый считает также, что лунного происхождения и те метеориты, которые содержат соединения углерода. Но тогда возможно, что когда-то на Луне была вода, в которой был растворен углекислый газ? Именно к такому выводу и пришел Гарольд Юри.

— Правда, — добавляет ученый, — количество воды было невелико, а время ее существования коротко, после чего все следы гидросферы были уничтожены эрозионными процессами.

Астрономы Пуэрто-Риканской обсерватории Аресибо, наблюдая за «поведением» Меркурия, пришли к выводу, что вопреки существующему до сих пор мнению период обращения этой планеты вокруг собственной оси отличается от времени ее оборота вокруг Солнца. Следовательно, Меркурий не обращен постоянно к Солнцу одной и той же стороной, как считалось до недавнего времени.

Знаменитый сиднейский Музей Южного полюса недавно пополнился новым необычным экспонатом — австралийские ученые нашли 122-килограммовую меч-рыбу, вмерзшую в вековой лед Антарктиды. И, несмотря на то, что эта меч-рыба, как полагают ученые, жила более ста тысяч лет назад, у нее отлично сохранились окраска тела и цвет глаз.

Радиолокационное зондирование дна Индийского океана вблизи острова Цейлон было проведено судном «Пайонир». В результате обнаружена невиданная крутизна материковой отмели. На коротком отрезке длиной всего в 18 миль у берегов Цейлона глубина резко увеличивается от шестидесяти до примерно четырех тысяч метров. Причины такой необычной крутизны пока еще не ясны ученым и вызвали среди них немало споров.

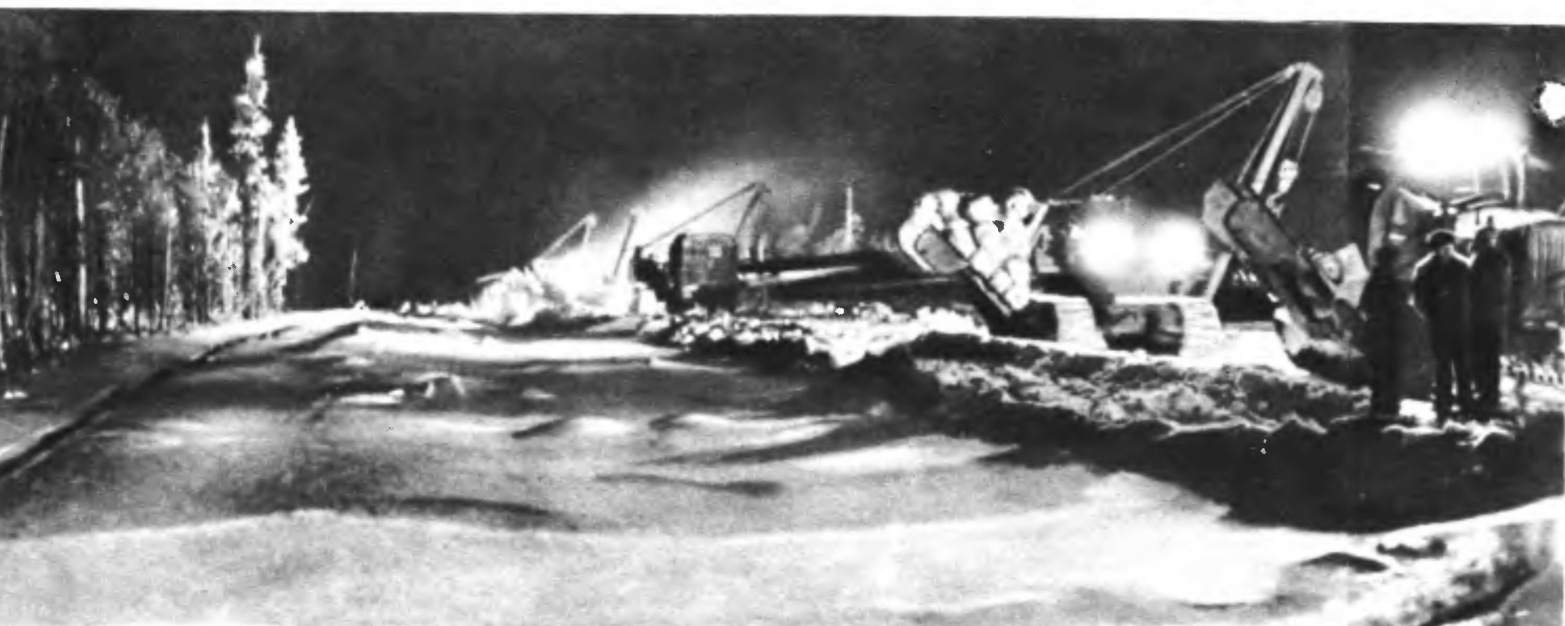
ЭНТУЗИАСТЫ

Геодезисты приходят первыми... За ними шагает стройка. И вырастают нефтяные вышки в зеленом Полесье. И бухарский газ согревает металлургическое сердце седого Урала. Ударные комсомольские... Передний край, где тысячи юных штурмуют будущее.

И снова идут вперед геодезисты, размечая путь новым стройкам пятилетки.

ПОЛЕССКИЙ ПЕЙЗАЖ.
Фото А. ДИТЛОВА. Белоруссия.

ГЕОДЕЗИСТКА.
Фото И. БУДНЕВИЧА. Казахстан.

НА ТРАССЕ БУХАРА—УРАЛ.
Фото А. ПАХОМОВА. Москва.

**ШЕСТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕН-
НАЯ ФОТОВЫСТАВКА. Москва. 1966.**

СТРАНА НАД ОБЛАКАМИ

АДОЛЬФ ГОФМЕЙСТЕР

Советский читатель знаком с Адольфом Гофмейстером — известным чехословацким писателем, путешественником, журналистом, поэтом, графиком, карикатуристом — по нескольким книгам, иллюстрированным самим автором: «Кто не верит — пусть проверит», «Вид с пирамид», «Иду по земле». В этом номере вы прочтете его очерк о Боливии из книги «Небоскребы в джунглях», которая готовится к печати в издательстве «Мысль».

Самолет набрал высоту, пробил облачную «крышу мира» и оказался в светло-синем, как бергамский мрамор, небе, среди беспредельного солнечного сияния. Мы поднялись в сферу однообразия и времени, неподвижно и безучастно застывшего в пространстве. В такие мудро избранные минуты стюардессы предлагают обед. Следует хорошенько заесть ощущение вечности, встречи со временем и с прочими отвлеченными понятиями.

А самолет все набирал высоту. За бортом, видимо, похолодало. В тучах появилось много дыр, сквозь которые виднелись у Санта-Крус курчавые горы с высокими деревьями и зигзаги почти безводных рек. Перед нами рдели склоны боливийских гор.

А самолет все набирал высоту. За горами появлялись новые горы, а за ними другие, еще выше, со снежными вершинами. Самые высокие горы — черные; это сделано, чтобы снег лучше выделялся

ФОТОКООРДИНАТЫ: БОЛИВИЯ

▲ Кечуа — самый многочисленный индейский народ. Живет он в Боливии, Перу, Эквадоре, Аргентине, Чили. Семья, которую вы видите на этом снимке, — из города Потоси, расположенного возле южной границы Боливии. Куда бы ни пошла мать, маленькая дочь всегда с ней.

◀ Гора Ильмани первой встречает подлетающих к Ла-Пасу. Да и сама равнина, над которой возвышается гора, тоже лежит достаточно высоко. Недаром эти скудные, в заплатках фасолевых полей земли зовутся «Высокой равниной» — «Альтиплано».

на них. Самолет накренился, и куда ни глянь, от горизонта к горизонту, — голые, пустынные хребты. Вот она, Боливия, страна, созданная для геологов. За горами олова вздымаются горы висмута, за горами глинозема — горы серебра, а за горами сурьмы — горы вольфрама. За черными железными горами — синие свинцовые, а за ними — рыжие медные.

А самолет все набирал высоту. Даже самые высокие горы когда-нибудь кончаются. Слева от нас стоит в почетном карауле рота великанов в белых снежных папах. Да что я говорю — рота! Это настоящий парад. Чем дальше мы летим, тем выше воинские звания. Под самым крылом переминаются стальные, почти черные и леденяще-белые великаны. Некоторые пассажиры с ними близко

знакомы и называют их имена. И красота этих имен не уступает высоте гор. Не уступает и их древности. Имена, данные на горных языках индейцев айма-ра и кечуа. На языке инков.

Мне казалось, что самолет все еще поднимается, когда глас божий вежливо и невнятно предложил нам пристегнуть ремни.

Впервые в жизни пришлось мне идти на посадку, поднимаясь вверх, а не опускаясь вниз. Ощущение такое, будто вот-вот пойдет кровь из носа. Воздух сильно разрежен. Вышел из самолета как ни в чем не бывало — с чемоданчиком, в шляпе, перебросив пальто через руку. Я уверен, что не отважился бы так легкомысленно выйти на вершине Монблана, а ведь мы почти на той же высоте. Здесь никто не обращает внимания на такие причуды природы.

Над таможенной надпись: «Самый высокий аэродром в мире — 4138 метров над уровнем моря». Под нами, в глубокой котловине, врезанной в Альтиплано, — Ла-Пас. Глинобитные домики, крытые голубой жемчужной расцветкой, расползлись по крутым склонам, как цветные козы. Жестяные крыши, как прямоугольные лужи, отражают синее-синее небо. Более благоустроенные домики, те, что поближе к центру города, по-словацки выкрашены синькой и анилиновой розовой краской. Вокруг площади сбилась стайка домов, создавая, таким образом, оживленный центр города. Наш Бенешов с пятью небоскребами.

В Ла-Пасе быть небоскребом нетрудно, потому что тучки небесные проплывают гораздо ниже города. Десяти-двенадцати этажей достаточно для столичного вида. А чуть подалее кварталы благоустроенных вилл и садов тянутся к долине вдоль каскадов реки Чоквеяпо, которая прыгает по уступам скал от голых вершин к деревьям, растущим внизу, в укрытых от ветра местах. На площади — пряничный собор. На паперти архиепископского колониального барокко нас приветствовал по-деревенски румяный, черноволосый молодой священник.

— *Salvete, hospites ex Bohemia venientes!*¹

Каждый из нас знал какой-нибудь иностранный язык, но не нашлось ни одного, который знали бы обе стороны. Поэтому мы объяснялись на ломаной латыни, как гимназисты. Мне не приходилось говорить по-латыни с восьмого класса, то есть свыше сорока лет. Но другого выхода не было.

¹ Привет вам, гости из Богемии! (лат.)

«Пуйя» — андийская разновидность ананасов. Сто пятьдесят лет проходит, прежде чем из колющего куста вытянется высокий ствол. «Пуйя» по долготелю побивает даже самые большие мексиканские агавы, которые не случайно зовут столетниками.

Падре водил нас по церкви приветливо и гордо, как по собственной квартире.

Испанское барокко здесь очень своеобразно. Оно возникло еще во времена конкистадоров — пышное и в то же время беспомощное. Собственно, это кустарное производство. Перегруженный украшениями фасад с наивной красотой его глуповатых ангелочков и плоскими колоннами абсолютно не гармонирует с внутренней отделкой, где современная ярмарочная безвкусица, ничтоже сумняшеся, уживается с потрясающим количеством серебра и обильной позолотой скульптур в нескольких алтарях, которые держат на своих спинах индейские вожди. Сверкает золото — его тоже много. Слишком много. В 1545 году испанцы открыли в Потоси гору, в полном смысле слова доверху набитую серебром. До сих пор там добывают металл для чеканки монеты. И самое трогательное во всем этом богатстве, что им пользуются и для ярмарочной роскоши и для создания по-настоящему поэтических изваяний.

Католическая церковь неразборчива в методах завоевания душ безграмотных индейцев, которые после крещения стали ходить в церковь и праздновать воскресенье, но больше всего боятся бога дождя да грозных духов гор и пещер. Католическому духовенству не мешает неграмотность верующих.

Альтиплано — боливийское плоскогорье — подобно ненакрытому столу. Еще почти ничего не подано, но большая индейская семья уже села за стол. По площади Альтиплано составляет десятую часть Боливии, но с незапамятных времен здесь живет четыре пятых ее населения. Для нас пять тысячелетий — «незапамятные времена», но для гор, со всех сторон обступивших Альтиплано, это короткое мгновение.

На Альтиплано живут чистокровные индейцы. Они привыкли к такой высоте. И килограмм для них весит столько же, сколько у нас внизу. Но у них на 40 процентов больше красных кровяных шариков, чем у нас. Здесь, безусловно, необходимо ходить медленно, избегать резких движений и не

наклоняться. После двух попыток быстро обернуться вы убеждаетесь, что начинаете задыхаться. Вдоль дорог, которые в Боливии идут только вверх — по крайней мере так нам кажется, — сидят мужчины, женщины в широких шляпах, с заплечными мешками и даже дети-непоседы. И это не лень и не избалованность, даже не отдых после длительного пути, а категорическое требование матери природы.

Семейные группы и группки, сидящие на придорожных тумбах или на обочинах тротуаров, образуют как бы пеструю кайму цветов вдоль шоссе и улиц. Боливийские индейцы и индеанки — народ невероятно яркий. Кричащие пончо и платки заглушают грохот асфальтовых грузовиков, взбирающихся по извивам дорог на гору. Но люди столь же бедны, сколь ярки. Почти ни у одного из жителей предместий и деревень нет обуви. У них широкие, морщинистые ноги, руки и лица, изборожденные ветрами гор. Внешне невозмутимые, спокойные, но посмотрели бы вы на них, когда они танцуют или сражаются!

Когда здесь в последний раз петляла «татра» Зикмунда и Ганзелки, оловянные рудники под облаками принадлежали сеньору Патиньо и господину Ротшильду. Сейчас они — собственность государства, но бедняки, сидящие, словно каменные изваяния, по краям дорог, молчат о нужде и лишениях. Бедняки сидят здесь на колоссальном богатстве, не имея ни средств, ни образования, чтобы использовать его.

Но они тверды, мужественно переносят свою бедность. Их древний, очень древний аймарский язык отличается от кечуа именно своей твердостью, хотя в обоих «р» произносятся, как в чешском «рж». И деревья здесь такие же твердые. Я попытался сорвать веточку какого-то лавра. Где там! Дерево не пожелало.

О поездке в Тиауанаку мы мечтали еще в Праге.

Из Ла-Паса, захватив с собой корзиночки с фруктами, мы отправились на пикник по извивавшейся змеей дороге, ведущей к аэродрому. Водитель с какой-то бешеной индейской смелостью обгонял машины андистов, которые хотели использовать солнечный день для скалолазания (в Европе у нас Альпы и альпинисты, здесь — Анды и андисты).

Альтиплано все пропитано водой,

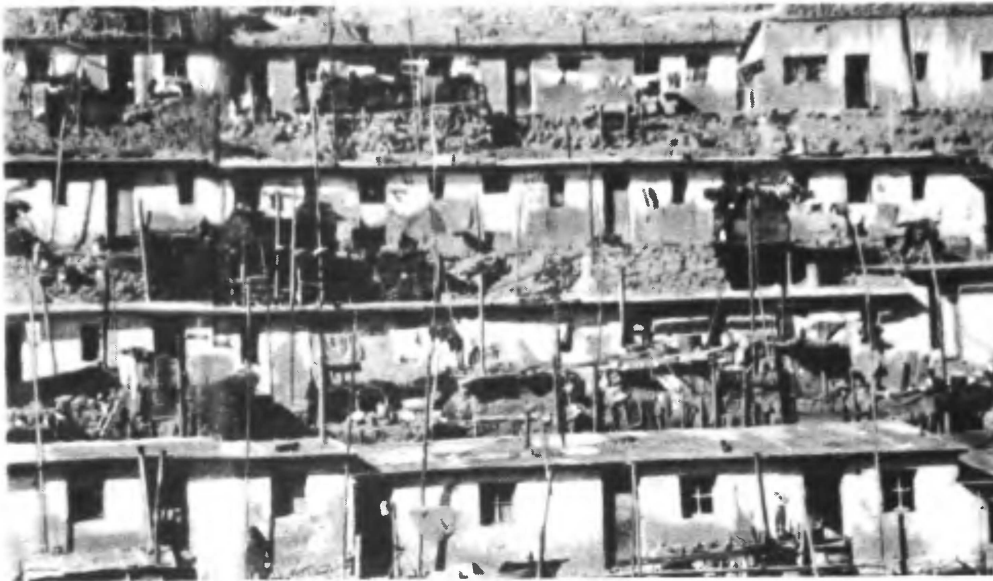
Огромной лестницей уходят в горы жилища горняков Колькири. Жизнь бедняков проходит в основном на улице и на галереях, — здесь они и готовя, и едят, и беседуют, и спят.

А это горняки с оловянных рудников в Миллуни. Жила проходит под ледником, и потому работать здесь легче — не так жарко, как в других шахтах.

просачивающейся из ледников. Кое-где дремлют маленькие озера. По этой огромной, плоской дороге, созданной природой на высоте 4000 метров над уровнем моря, почти по самой земле плывут мрачные, «барочные» тучи, словно очерченные циркулем церковного скульптора.

Поля скудные, жнут здесь серпом. Ячмень собирают в такие снопики, как у нас — хвостики льна. Жатва. Порядок времен года тут обратный нашему, как бы отраженный в зеркале. Весна — осенью, зима — летом. Скот свободно разгуливает и с хрустом пережевывает низенькую траву. Солнце совсем близко к земле. Оно жжет. А ночью бывают трескучие морозы. Шерсть у коров гуще, чем у наших. Таких коров я видел когда-то в Пиренеях. Но те были белые. Овцы косматые, как клубки шерсти. Кабаны, свиньи и поросята лохматы, как собаки.

Мы доехали до Лаии, где Альфонсо де Мендоса сделал первую попытку заложить столицу провинции, завоеванной им для испанской короны. Площадь окаймлена глинобитными домиками, а из-за дверей нас разглядывают старые индейцы с пергаментными лицами. Здесь, на неземной высоте они, иссушенные ветром и водкой, были красными, как положено краснокожим. И их краснокожие дети были так же красивы, как маленькие дети во всем мире. Они вдруг выросли за нашими спина-

Солнце встает над священным озером инков Титикака. Оно высвечивает неподвижные деревья, играет радугой в каплях тумана, золотит тростниковые лодки рыбаков.

ми, как каменные статуи. Молчаливые люди в молчаливой стране. Шоссе тянется вдаль. Прямо. Сворачивает оно только по капризу землемеров. И вдруг мы оказываемся в Тиауанаку.

Перед музеем нас встречает инженер Карлос Понсе Сангинес.

В музее, как во всех музеях, стояли обычные неудобные стеклянные стенды с тысячами горшков и тарелок разных столетий и грудой нерассортированных черепков. Черепков, расписанных изображениями зверей, в которых при желании и некотором искусствоведческом опыте можно распознать ягуаров, кондоров и пум, запутанные лестницы, треугольники и сложный, переплетающийся орнамент.

Наш гид, вполне обоснованно считающий поголовно всех посетителей невеждами, обращает наше внимание только на особенно необычные экспонаты. Сосуд в виде головы усатого индейца, хотя у индейцев усы вообще не растут, а европейцы появились здесь чуть ли не через тысячу лет после изготовления этой вазы. Амулеты. Серебряные горбуны. Прикосновение к их горбу приносит счастье. Древние макеты домов из обожженной глины. Единственное и неопровержимое свидетельство того, как жили в те времена тиауанакские бедняки. Сейчас, пятнадцать веков спустя, постройки в индейских деревнях немногим отличаются от своих древних образцов. Жили так же, как живут до сих пор. Когда мы пришли в Пума-Пунка, молодой директор музея показал нам черную отполированную плиту, глубоко ушедшую в землю, и сказал, как дьявол-искуситель на горе:

— Все это дадим вам, если вы подымете этот алтарь.

Это черный магический монолит величиной с комнату, тяжелый, как участь народа, прекрасно вытесанный и отшлифованный, с престолом и нишами. Вес его — 150 тонн.

— Мы подсчитали, что эту глыбу сюда тащили 2650 человек вон с тех гор. За день они проходили 8 километров. Это были рабочие. В Тиауанаку не было рабов. Мы пытались поднять этот самый большой в мире неповрежденный, искусно обработанный монолит, но самый мощный подъемный кран в Боливии поднимает всего 20 тонн.

— Сколько времени предполагаете вы вести археологические раскопки в этих двух местах?

— Только в Колосасае и Пума-Пунка лет тридцать, — ответил антрополог.

— Лет двести, — поправил его заведующий, — и тогда, быть может, узнаем что-нибудь о судьбах одной из самых древних и самых загадочных культур Южной Америки.

стр. 27 ►

Широкополые боливийские шляпы изготавливают примерно так же, как папье-маше: в дело идут шерсть, картон и крахмал. Как раз такую шляпу вы видите на голове этой девушки из Тариха, торгующей виноградом.

Караваны лам один за другим идут через безлесные хребты и плоскогорья. В притороченных мешках — привычный груз: сухой навоз для топлива, зерно, оловянная руда или куски горной соли. Вокруг первобытная тишина, лишь изредка прозвучит свист погонщика.